

ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ
ПРОФЕССОРА ХАЛИНЫ ВАШКЕЛЕВИЧ

Под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего

ROSJA • myśl • słowo • obraz

Краков 2014

Проф. Халине Вашкелевич

*в честь юбилея 45-летия научной деятельности –
друзья, коллеги, ученики*

Prof. Halinie Wszkielewicz

*z okazji Jubileuszu 45-lecia pracy naukowej –
przyjaciele, koledzy, uczniowie*

Елена Обатнина

Россия

**ПОДРУГИ: ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ОТНОШЕНИЙ З. Н. ГИППИУС
И С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО¹**

Упомянутая Серафима Павловны Ремизовой-Довгелло (урожденной Довкгело; 1875–1943) в контексте дружеского круга Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945) может показаться, если не случайным, то, по крайней мере, обусловленным именем Алексея Михайловича Ремизова. Однако сохранившаяся переписка двух корреспонденток является красноречивым отражением совершенно особых отношений, которые сложились со времени их знакомства в 1905 году и продолжались (с разной степенью притяжения) практически до кончины Серафимы Павловны².

Недавние ссыльные, Ремизов с женой и маленькой дочерью Наташей, обосновались в Петербурге в начале февраля 1905 года, в квартире при

Елена Рудольфовна Обатнина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.

¹ Исследование осуществлено при поддержке РГНФ, проект № 10-04-00191а «Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус» (подготовка тома в серии «Литературное наследство»).

² H. Lampl, *Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello*, «Wiener Slawistischer Almanach» 1978, Bd. I, с. 155–194.

редакции журнала «Вопросы жизни»³. Если глава семейства, связав жизненные цели с литературным поприщем, сразу «нашел себя», то Серафима Павловна искренне страдала от невозможности приносить общественную пользу. Выпускница Высших Бестужевских курсов, до начала 1910-х, когда она получила профессию специалиста по древнерусской палеографии и источниковедению после окончания Императорского Санкт-Петербургского Археологического института, занималась лишь случайным репетиторством и преподавала в гимназиях.

Для начинающего писателя Ремизова и для его супруги, отличавшейся прямолинейностью взглядов на жизнь, встреча с литературно-художественной средой столицы зачастую сопровождалась взаимным недопониманием. Трудная литературная адаптация мужа в среде чопорных петербургских «парнасцев» отраженным светом ложилась на настроения молодой женщины. Первые контакты Ремизова с четой Мережковских несли отпечаток неприятных воспоминаний о неудачной попытке опубликовать в 1904 году его первый роман *Пруд* (1903) в журнале «Новый Путь», где по вердикту редакции, в которой последнее слово всегда оставалось за З. Н. Гиппиус, роман был отвергнут как литературное «декадентство»⁴. Личное знакомство состоялось 2 февраля 1905 года уже в редакции во главе с Сергеем Николаевичем Булгаковым, а также Николаем Александровичем Бердяевым (другом Ремизова по вологодской ссылке), которые сменили редколлегию «Нового Пути» (Петр Петрович Перцов, Мережковские, Дмитрий Владимирович Философов), назвав свой печатный орган «Вопросы Жизни»⁵. Мережковские, наблюдавшие за деятельностью новой редакции со стороны, болезненно относились к любым переменам во внутренней жизни издания, которое изначально считали своим детищем, в том числе и к появлению Ремизова (приглашенного Бердяевым и Георгием Ивановичем Чулковым, бывшим секретарем редакции «Новый Путь») на должности заведующего

³ О годах вологодской ссылки супругов Ремизовых см. новейшую статью: А. Л. Соболев, *Северная ссылка Ремизова: уточнение нюансов*, в кн.: он же, *Страннолюбский перебарщивает. Сконпель истоар*, Москва 2013, с. 176–212.

⁴ Ср. письмо Философова, выполнявшего в журнале обязанности официального редактора, который, хотя и не разделял категорического решения Гиппиус, объяснял Ремизову причины отказа (*Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова*, публ. Е. Р. Обатниной, «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год», Санкт-Петербург 2006, с. 378). Проблемы с публикацией романа Ремизов описывал также в письме к Серафиме Павловне от 6 июня 1904 г. (*На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло* [2], подгот. текста и коммент. А. д'Амелия, «Europa Orientalis» 1987, VI, с. 251).

⁵ Подробнее см.: М. А. Колеров, «*Вопросы Жизни*: история и содержание», «Логос» 1991, № 2, с. 264–283.

хозяйственной частью. Вечером того же дня Ремизов в письме к жене рассказывал:

Видел З. Н. Гиппиус. Ни слова, кроме «здрасьте». На Чулкова оба злы, а меня холодно встретили, не столько он, сколько она. А кривляка порядочная. А что волосы кладет на колени, изобретение Н. А. Бердяева. Может, ему случайно положила. Если сидеть близко, а на расстоянии никаких волос ни на меня, ни на Чулкова. А волосы, действительно, грива. Только холодные, не дышат и не искрятся. Умные какие-то. П. Е. Щеголев пел тюремную: «пусть он поищет волос умиленья». Вот уж никакого «умиления»⁶.

Казалось бы, возникшая неприязнь писателя, болезненно отнесшегося к критике своего первого романа и не воспринимавшего стиль общения, задаваемый З. Н. Гиппиус, могла соответственным образом настроить и Серафиму Павловну. Тем более что в своих письмах Ремизов описывал Мережковских как людей умственных, холодных, далеких от простых семейных радостей. В частности, 23–24 апреля 1905 года он писал:

Как приедешь, давай снимемся вместе, я уже писал тебе и эту карточку Натусеньке, когда большая вырастет, а еще подарим В. В. Розанову, а Мережковским не стоит: сий не взглянет, а З. Н. Гиппиус отрежет меня, исколет булавками и бросит в камин, в огонь⁷.

В этом контексте может показаться парадоксальным, что уже весной, опровергнув все опасения Ремизова, Гиппиус проявила искреннюю симпатию к Серафиме Павловне. Со свойственной ей энергией она взяла молодую семью под опеку и принялась помогать им в разрешении различных бытовых трудностей. Даже кратковременное путешествие в Турцию не отвлекло Гиппиус от общения с новой подругой. В первом письме из Стамбула она не скрывала эмоций:

Милая моя Серафима Павловна [...]. Позже или не позже – а все-таки не могу не написать вам. Так трогает меня ваше любовное отношение: я, может быть, и не стою такого. И так хорошо мне становится, когда я чувствую, что вы во мне что-то такое глубокое понимаете, чего рассказать все равно было бы нельзя. Но, вот, есть понимание – есть близость, и уж это незабвенно, и дорого, и важно⁸.

⁶ Там же, с. 283–284.

⁷ *На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло* [3], подгот. текста и коммент. А. д'Амелия, «Europa Orientalis» 1990, IX, с. 454.

⁸ H. Lampl, *Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello...*, с. 164.

Уже к осени в литературных кругах Серафима Павловна стала известной не только как жена Ремизова, но и как «подруга Гишпиус». Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал, с интересом наблюдавшая за гостями на первых симпозионах Вячеслава Иванова в недавно снятой квартире на Таврической, с характерной женской «объективностью» подмечала, что в окружении литературно-художественной богемы Серафима Павловна испытывала явную неуверенность, прикрытую показной самодостаточностью. Впрочем, и муж ее, судя по первым впечатлениям хозяйки Башни, тоже не чувствовал себя свободно и то и дело пользовался театральными уловками, меняя маски и амплуа, что, однако, не могло скрыть его безусловной одаренности:

Очень неприятный человек Ремизов, – писала она Марии Михайловне Замятниной. – Вечный фигляр, врун такой, что ничему нельзя верить. Умен и зол на язык... головокружительно! А жена его великая корова, подруга Гишпиус, глуповата, недобра, фанатична и самовлюблен[н]а. Разговаривает только о себе и улыбается сладкой нелепой во всю расплывшуюся харю – улыбкой⁹.

Такое же, как будто неправдоподобное впечатление произвела Серафима Павловна и на Андрея Белого, который в воспоминаниях воспроизвел образ, запечатлевшийся при первой встрече:

Однажды войдя в гостиную Мережковских, – увидел я: полуприсев в воздухе, улыбалась мне довольно высокая и очень широкая, светловолосая, голубоглазая и гладколицая дама с головой, показавшейся очень огромной, с глазами тоже очень огромными; и тут же понял: она не стояла, – сидела на диване; а когда встала, то оказалась очень высокой, а не довольно высокой и только довольно широкой, а не очень широкой; это была Серафима Павловна Ремизова, супруга писателя. Рядом с ней сидел ее муж с короткими ножками, едва достающими до пола, с туловищем ребенка в коричневом пиджачке, переломленном огромной сутулиной и т. д.¹⁰

Этот портрет кажется особенно контрастирующим с образом З. Н. Гишпиус, если обратиться к поэтическим воспоминаниям о ней, оставленным современниками. Один из пленительных портретов «полувоздушной» сильфиды был создан Акимом Львовичем Волинским, питавшим к ней самые нежные чувства:

Помню мое первое впечатление от З. Н. Гишпиус. Передо мной была женщина-девушка, тонкая, выше среднего роста, гибкая, сухая, как хворостинка,

⁹ Цит. по: Н. А. Богомолов, *Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники*, Москва 2009, с. 132.

¹⁰ А. Белый, *Между двух революций*, подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова, Москва 1990, с. 64.

с большим каскадом золотистых волос. Особенно осталась в памяти ее походка. Шажки мелкие, поступь уверенная, движение быстрое, переходящее в скользящий бег [...]. Это была женственность существенно девического характера¹¹.

Внешне обе женщины явно казались всем окружающим совершенными антиподами. Только Ремизову виделась несхожесть по основному критерию – важному и для круга Мережковских, но с обратным знаком. Для него Серафима Павловна всегда была эталоном подлинной религиозности и искренности, а Зинаида Николаевна, чем ближе он узнавал ее, – искусным манипулятором чужими душами. Очевидно, что в его глазах Гиппиус была в ряду умствующих людей, подменяющих подлинное религиозное чувство теориями и схемами, навязываемыми обществу. Характерно, что Ремизов, несмотря на все неприятие любой прагматики в отношении вопросов веры, в частности, религиозного реформаторства Мережковских¹², не мог не признать, что именно Зинаиде Гиппиус открылась подлинная глубина натуры его жены. В одном из писем к Серафиме Павловне (26–27 апреля 1905 года) это суждение выражено предельно откровенно:

Не замечая и не любя тебя, не замечают самое высшее, что только есть в мире – «непорочность», она светится из твоих глаз, твои детские глаза с их неколебимой правдой, перед которыми мучительно лгать. Люди высшего духа не пройдут мимо. И я говорю в мир – глазам «человека» – я хочу быть с вами, а не с этой сворью – слепой, копошащейся в мелочах, с ее короткой меркой по своей ничтожной мере. И знаешь, кто мне подсказал? – Мережковские: Гиппиус своим богатым нутром поняла, а «истукан» за ней повторил. Ты, мой бесценный ангел, хранитель мой!¹³

Именно способность Ремизовой-Довгелло к непосредственному сопереживанию христианской истории, дополнявшаяся острой реакцией на несправедливость человеческого мироустройства, в недавнем прошлом питавшим ее революционные настроения, стали для Гиппиус основным мотивом сближения с этой молодой женщиной. Но самым важным, скрепляющим элементом этих отношений была потребность Серафимы в идейном оформлении собственной деятельности. Зинаида Гиппиус видела в ней

¹¹ А. Вольнский, *Сильфида*, в кн.: З. Н. Гиппиус: *Pro et Contra. Антология*, сост. А. Н. Николопкина, Санкт-Петербург 2006, с. 584.

¹² Ср. письмо А. Ремизова жене от 26–27 апреля 1905 г.: «Я вспомнил и повторил твою мысль: „может ли человек молиться“, чувствует ли он сердцем свою связь с каким-то надчеловеческим „небом“? Без этой связи все разговоры о религиях впустую. И еще: можно ли научить молиться? А должно быть, нельзя. И вот почему фальшивы и надоедливы все эти богоискатели» (*На вечерней заре...* [3], с. 460).

¹³ Там же, с. 446.

яркий пример личности, способной не только к нравственным рефлексиям, но и к самым решительным действиям для достижения своих духовных идеалов.

Действительно, ранняя биография Довгелло была прямой тому иллюстрацией: девушка из старинного польско-литовского рода, воспитанная в поместной тиши на Украине, после окончания Высших женских курсов, будучи слушательницей Медицинского института, вошла в группу петербургских социалистов-революционеров и после раскрытия этой организации в 1900 году была сослана на 3 года в Вологодскую губернию. Еще в 1902 году Довгелло и ее жених Алексей Ремизов познакомились с Екатериной Константиновной Брешко-Брешковской, когда «бабушка русской революции», будучи на нелегальном положении, приезжала в Вологду специально для встречи с находящимся в ссылке Борисом Викторовичем Савинковым, с целью выработать программу организационных действий по созданию террористического звена. Тогда она пыталась склонить на путь террористической борьбы С. П. Довгелло, которая отличалась от многих своих соратников бескомпромиссностью характера и самоотверженностью.

По воспоминаниям Ремизова,

[...] на С. П. смотрели, как на Софью Перовскую: она и вправду, не дрогнула б с бомбой в руке. И вот она объявила, что прекращает революционную деятельность. И это решение ее приписано было моему разлагающему влиянию. В Вологду приезжала Бабушка [Брешковская. – Е. О.] уговаривать, и у меня было с ней свидание и разговор¹⁴.

Падчерица Виктора Михайловича Чернова – Ольга Викторовна Андреева, близко знавшая Серафиму Павловну с 1922 года, в статье о ней воспроизвела содержание этого, по всей видимости, ставшего легендарным, разговора ссыльной Довгелло с Брешко-Брешковской: «– Вы нам нужны, – говорила она, – у нас есть генералы и солдаты, а офицеров не хватает»¹⁵.

Надо сказать, что и Ремизов трактовал революционаризм своей супруги как крайнее выражение подлинного религиозного чувства – желание принять страдания за мучения обездоленных людей. В обратной перспективе жизни он, после смерти жены, констатировал:

¹⁴ *На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло* [1], подгот. текста и коммент. А. д'Амелия, «Europa Orientalis» 1985, IV, с. 156.

¹⁵ О. Андреева, *Серафима Павловна Ремизова*, «Новоселье» 1947, № 35–36, с. 128.

Она прошла путь русской интеллигенции¹⁶ – явление единственное и едва ли понятное в Европе. Революционность не от теории, не от «экономической необходимости» и не от страсти к авантюре, не из честолюбия.

Коля Красоткин у Достоевского:

«О, если бы я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду».

В *Подростке* такое душевное расположение названо «всемирным болением за всех» [...].

После ссылки она отошла от «революции»: заниматься «революционными делами» что политикой, а это ремесло никак не ладится «с чистотой помыслов» [...]. Корень «революционности» никогда не заглох в ней – «быть довольну, что есть» не такая душа. Она только не высказывалась, но я знаю, какая буря кипела в ее сердце¹⁷.

Горячая потребность Серафимы Павловны в полезной деятельности, сопряженной с высокими духовными целями, сразу стали объектом пристального внимания и остальных членов созданной Мережковскими религиозной общины Церкви Третьего Завета, нацеленной в литургической практике осуществить идею нового религиозного сознания¹⁸. Серафима стала посещать «церковные» службы, тайно устраиваемые в квартире Мережковских в доме Мурузи, по-видимому, уже в 1905 году. Изначально отношения Гиппиус и Ремизовой-Довгелло складывались «по старшинству»: Серафима сама была готова признать в Зинаиде Гиппиус духовную наставницу, внимая ее рассуждениям о подлинном назначении тех призванных преобразователей, которые способны взять на себя личную ответственность за общество в целом.

В начале 1906 года Гиппиус, Мережковский и Философов, объединившиеся в трояственный союз духовных реформаторов, отправились в Париж. Это решение было связано с началом реализации программы формирования нового религиозного сознания, которое получило название *Главное*. Свой отъезд они расценивали в духе первохристианского подвиг-

¹⁶ Ср. также запись Ремизова второй половины 1940-х гг.: «[...] С. П. „прошла путь русской интеллигенции“, традиция Герцена – Чернышевского – Хомякова. „Святая вера в православную Правду“ (Хомякова) через революцию, которая „спасет мир и осуществит истинное Царство Христово“ (Чернышевский) жертвенностью и мученичеством. И тогда в мире не будет „душно и тесно сердцу“ (Чернышевский) и „совестно жить“ (Л. Толстой) [...]» (Н. В. Резникова, *Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове*, Berkeley 1980, с. 28).

¹⁷ А. Ремизов, *В розовом блеске*, Париж 1952, с. 398–299.

¹⁸ Один из аспектов этой концепции описан в: *История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из дневников Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов*, вступ. статья., подгот. текста и примеч. М. Павловой, в кн.: *Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов*, сост. М. М. Павлова, Москва 2004, с. 391–455.

га пустынночества. С этого времени Серафима Павловна сделалась эпископальной конфиденткой Гиппиус, информируя свою старшую подругу и духовную наставницу обо всех событиях литературно-бытовой жизни Петербурга, проходивших на ее глазах. Возможно, контраст двух миров – светского, литературного, и атмосфера «младшего звена» Церкви Третьего Завета, собиравшегося в доме Мурузи по четвергам для совместных богослужений, вызвала в ней растерянность и чувство собственного несоответствия целям, поставленным перед строителями Новой Церкви. Месяц спустя Серафима в смятении писала Гиппиус, стараясь без утайки раскрыть свои переживания:

[около 29 марта. Четверг. 1906]

Дорогая моя, дорогая, бесконечно дорогая! Боюсь, что после этого письма Вы мне не напишете, и что я больше не буду вправе писать Вам. Люблю Вас так, как еще никогда, боюсь, что Вы меня разлюбите, но красть Вашей дружбы не хочу, и потому сейчас и напишу. Только теперь я ясно поняла (хотя и раньше знала, но не так болезненно ощущала) только теперь знаю, к а к а я Вы умная, к а к а я Вы необыкновенная, только теперь я знаю, ясно знаю, что Вам сам Бог сказал делать большое дело. Знаю, Вы и Дм[итрий] С[ергеевич] и Дм[итрий] Вл[адимирович] правы, тысячу раз правы, и я вас всех очень люблю, а Вас, моя единственная, особенно. Но я не могу прийти в четверг, не приду, вот Вам первой об этом говорю. Когда Вы вернетесь, если меня не оттолкнете, я буду счастлива, я этого буду ждать, как света, но без вас я не буду, не буду, не могу перед Христом быть хоть с пятнышком неправды, не могу и не хочу. А как мне тяжело, если б Вы знали! Опять нет у меня ничего такого, чтоб задевало меня крепко, опять я одна. Если очень осудите меня, если не будете любить меня, то хоть во имя моей вечной любви к Вам напишите мне хоть пару слов. Хоть сами напишите, что уже не любите меня. И знайте, я вечно буду любить Вас, всегда молюсь о Вас и буду молиться, и когда Пасху буду встречать я, раньше всего в душе с Вами похристосуюсь. А больше и писать не о чем не могу. Вся Ваша Серафима¹⁹.

На правах старшей Гиппиус неустанно пыталась удержать свою доверчивую корреспондентку в общине, напоминая ей о том мироощущении, сопряженном с революционной жертвенностью, которое было знакомо Ремизовой не понаслышке. В письме от 18 марта 1907 года, памятуя их петербургские разговоры, Зинаида Николаевна заговорила о том, что являлось актуальной темой ее тогдашних размышлений – о духовном содержании революционной борьбы:

¹⁹ «Zinaida Gippius and Dmitrij Merezhkovsky Papers», Amherst College Center for Russian Culture (USA).

А часто я вспоминаю, милая, как мы с вами об с[оциал-] р[еволюционера]х говорили, насколько они лучше с[оциал-] д[емократов], у них личность есть, и они м о г у т верить, они уже верят, только этого не знают. Мы здесь со многими сталкиваемся. А что жизни в них больше, чем в декадентах, так это прямо чувствуется. Такие мы здесь разговоры хорошие и простые иногда ведем. Я вашу «бабушку» увижу, когда она приедет (скоро). Но бабушка стара, а молодые есть совсем чуткие²⁰.

Не называя имен, Гишпиус подразумевала скрывающихся от преследований царской полиции за границей, давних знакомых Серафимы Павловны и Ремизова – Брешко-Брешковскую и Савинкова. Имя Бориса Савинкова наполнилось для Гишпиус притягательной силой после рассказов Серафимы Павловны, свидетелем которых в преддверии революционных событий осени 1905 года стал и Андрей Белый. Значительно позже в своей мемуарной прозе 1932–1933 годов он восстановит содержание одной из бесед в салоне Мережковских:

Серафима Павловна дружила с Гишпиус; от нее и услышал, Савинков, глава боевых эсеров, руководил бомбой Каляева; голова его оценена, а он живет в Питере, тайно посещая Ремизовых и жалуясь им на галлюцинацию: тень Каляева-де являлась к нему; его мучает скепсис, и он не верит в свой путь, увлекаясь творениями Мережковского; он ищет религии, могущей оправдать терроризм; из слов Ремизовой Савинков конца 1905 года рисуется так, как мною изображен террорист²¹; Ремизова передала ему разговор о нем, и он хотел бы тайно явиться к Д. С. Мережковскому; воображение Гишпиус разыгралось; но Мережковский, пугаясь полиции и держа курс на Струве, этого не допускал, углубляя дебат: убить – нужно, а – нельзя, а – нужно²².

Зимой 1907–1908 годов в Париже наконец-то состоялась встреча Мережковских с главой боевой организации социалистов-революционеров. Маниакальное стремление Савинкова к политическому террору оказало сильное влияние на зреющую концепцию триумvirата объединить идею революционного преобразования с новым религиозным сознанием, аксиология которого теперь не исключала радикальных революционных мер, трактовавшихся как жертвенность, проявление «воли и чувства»²³. Однако

²⁰ Собрание семьи Резниковых (Государственный литературный музей, Москва). Полный текст готовится к публикации для тома *Эпистолярное наследие З. Н. Гишпиус*.

²¹ См. роман *Петербург* – примеч. Андрея Белого.

²² Андрей Белый, *Между двух революций*, с. 66.

²³ Ср. письмо Д. В. Философова Савинкову от 22 мая 1908 г.: «Вы и не представляете себе, как знакомство с Вами [...] нам было нужно и важно. Что ни говори, но в нас сидят неисправимые эстеты, и эстетика наша жестоко страдала при столкновении с революционе-

в 1907 году сам Савинков не мыслил свои террористические цели в религиозном аспекте. Поэтому Мережковским пришлось обосновывать свой новый тезис о соединении двух, на первый взгляд, взаимоисключающих понятий – религиозная вера и насилие (убийство). Тем не менее, именно в 1907 году «дебат», упомянутый Андреем Белым, был не только углублен, но и разрешен. Свою идею Мережковские оформили в книге *Царь и революция*, впервые опубликованной на французском языке в том же году в Париже под тройственным авторством²⁴.

Среди статей сборника, ставшего декларацией новой идеологии, особенно внимания в контексте дружбы с Ремизовой-Довгелло заслуживает статья Гиппиус *Революция и насилие*, которая в отличие от статей Дмитрия Сергеевича Мережковского, не републиковалась²⁵. Основной пафос этого очерка сконцентрирован на сопоставлении духовного подвига первых христиан, погибавших во имя веры, с борьбой эсеров-террористов против самодержавия, совершающих убийства и жертвующих собой во имя всеобщей свободы. Для понимания этого программного по своей сути идеологического документа немаловажно внести ясность в происхождение одной сюжетной линии, использованной в этом тексте. Оказывается, что вовсе не Савинков, а, в первую очередь, опыт нравственных переживаний члена партии эсеров Серафимы Довгелло не только вдохновил Гиппиус на написание статьи, но и послужил конкретным источником для ее рассуждений. Прямые референции к теме террористов встречаются значительно позднее, в письме от 18 марта 1907 года, где упоминается значимость революционного опыта Серафимы и мотив отказа ее от революционной борьбы, для ее теоретических построений: «я вспоминаю, милая, как мы с вами об с[оциал-] р[еволюционера]х говорили, насколько они лучше с[оциал-] д[емократов], у них личность есть, и они м о г у т верить, они уже верят, только этого не знают». В статье *Революция и насилие* эта мысль получила следующее развитие:

Если рассмотреть со вниманием и любовью наше революционное движение и суровые, почти монашеские нравы наших первых революционеров, членов

рами. Для нас Вы (помимо прочего) спасли эстетику революции, показали две ее прекрасные стороны (волю и чувство) и за это Вам великое спасибо» («*Революционное христовство*»: *Письма Мережковских к Савинкову*, вступ. статья, сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой, Санкт-Петербург 2009, с. 102).

²⁴ D. Mérejkovsky, Z. Hippus, Dm. Philosophoff, *Le Tsar et la Révolution*, Paris 1907.

²⁵ См. современное издание, в котором статья Гиппиус *Революция и насилие* впервые переведена на русский язык: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, *Царь и революция*, под ред. М. А. Колерова; вступ. ст. М. М. Павловой; пер. с франц. О. В. Эдельман; подгот. текста Н. В. Самовер, Москва 1999, с. 103–128.

«Народной Воли», ставших террористами, – то станет ясно, что они были не менее людьми, чем наши конституционные демократы, отвергающие всякое убийство во имя гуманности [...]. Они, «безбожники», они, жертвующие всем, что имеют, и даже самой жизнью, с удивительной силой воли, со слепой убежденностью, направленной к одной цели, они, идущие в бой за всех «обездоленных», скрывающиеся в подземельях, как первые христиане в катакомбах, переживающие ужасную внутреннюю борьбу, – эти мученики во всех смыслах слова, эти аскеты во имя Духа, да позволено ли в самом деле называть их «безбожниками»? В новой идее нет еще имени Бога, Имя пока еще там, откуда Бог ушел²⁶.

Благодаря писательской повадке Гиппиус использовать в своих очерках жизненные примеры, теперь можно утверждать, что эпизод в очерке из книги *Le Tsar et la Révolution*, касающийся петербургской жизни неких «друзей», бывших ссыльных, является переложением одного из рассказов Серафимы, который послужил иллюстрацией к рассуждениям автора о «священной» жертвенности революционеров-террористов. Вставная «новелла» Гиппиус, содержащая такой излюбленный для Ремизова и Серафимы повествовательный элемент как описание сновидения, начиналась словами:

Некоторое время один из них [террорист. – Е. О.] пришел к друзьям. Там была его знакомая студентка, побывавшая в ссылке, много повидавшая и много выстрадавшая. Она вышла замуж за ссыльного, и они оба покинули партию по одной причине: надо было убивать; невозможно убить, но надо²⁷.

Осенью 1908 года, когда сборник *Le Tsar et la Révolution* готовился к печати и уже была написана статья *Революция и насилие* Гиппиус в письме Серафиме Павловне от 8 октября 1906 года, только *à propos* упомянула, что «написала для сборника о наших революционерах», добавив рассуждения: «я в них жизнь чувствую, и правду их, и Христа их, а что без имени они у них – то ведь самодержавие и православие. Имя украли, не отдают. Пушками защищают Имя у них, но не Христос». Однако наставница не призналась своей духовной ученице, что именно мысль Серафимы Павловны о скрытой религиозности эсеров, упомянутая Гиппиус в мартовском письме, легла в основу концепции «святого» террора. Не призналась она Серафиме и в том, что в своей статье она по памяти воспроизвела услышанный от Серафимы в 1905 году рассказ о Савинкове, хотя в тексте статьи и имеются косвенные отсылки к источнику.

²⁶ Там же, с. 109, 111.

²⁷ Там же, с. 119.

По воспоминаниям Ремизова, 1907 и 1908 годы доставили его семье немало испытаний. «Серафима Павловна тогда все плакала: Наташи с нами не было», – писал он о жизни на Кавалергардской и Загородном проспекте, когда материальные трудности вынудили молодых родителей оставить их ребенка на попечение матери и сестер Серафимы Павловны в Черниговской губернии. Молодая женщина очень тяготилась своим бесполезным для окружающих существованием, она пыталась найти свое место в жизни и подвергала сомнению всякое теоретическое, не практическое, действие. Так ее критический взгляд, наконец, коснулся, казалось бы, непререкаемых авторитетов. Судя по сохранившейся переписке, в своем бунтарстве она поставила под сомнение общественную пользу идеи *Главного*, пестуемой Мережковскими. Общая нервность даже привела ее к навязчивой мысли последовать за ними в Париж, но отнюдь не для того, чтобы полностью подчиниться, а, напротив, с искренним желанием раскрыть глаза иерархам Новой Церкви на их личный эгоизм и холодность теории.

Раскол в отношениях с Гиппиус совершился, и сама духовная наставница уже в 1908 году явственно поняла, что Серафима покинула их Церковь. Тогда, анализируя пройденный этап создания общины единомышленников в доме Мурузи, Гиппиус, не строя лишних иллюзий на дальнейшее идейное союзничество с Ремизовой, записала:

Бывали с нами Тата, Ната, бывал и Карташов, и еще Серафима Павловна. Но она напрасно. Она – для меня, как потом оказалось, стала «обожать» меня. Она хорошая, прямая, измученная жизнью... И какая-то в ней психопатия²⁸.

²⁸ З. Гиппиус, *Дневник: В 2 томах*, т. 1, вступ. ст. и сост. А. Н. Николокина, Москва 1999, с. 135. Рефлексии С. П. Ремизовой по поводу идеологии «новой» Церкви по-видимому, не затихали еще в течение последующего года. В абсурдистской форме они запечатлелись в ее снах 1909 г. См. запись одного из них, приснившегося с 22 на 23 октября: А. Руман, *Petersburg dreams*, в кн.: *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, ed. by G. N. Slobin, (= UCLA Slavic Studies, 16), 1987, с. 88. Впоследствии этот сон в переработанном виде был включен Ремизовым в его цикл *Мои сны. Литературные* («Звено» 1925, 26 октября, № 143), под названием *Философов*, вместе с текстом *Мережковские*, который в свою очередь также первоначально был записью сна жены писателя, относящейся к 1909 г. (публикацию записи 1909 из дневника Ремизовой-Довгелло см. также: А. Руман, *Petersburg dreams*, с. 93).